

ГОТОВИМСЯ К УРОКУ

Е.Н. Проскурина

«ПОДНИМАЯ ОПУЩЕННЫЙ ПЛЕД...»

Функция художественной детали в творчестве А.П. Чехова.

Урок-практикум в 11-м классе

В школьной программе изучение творчества Чехова следует за изучением творчества Л.Н. Толстого. После толстовской моноличности, развернутых характеристик, даваемых миру, историческим обстоятельствам, персонажу, подчеркнутого внимания к внутреннему состоянию героев, «психологии души» художественный мир Чехова представляется учащимся непривычно простым. Главная задача учителя – показать глубину смысла в чеховских произведениях, достигаемую автором через богатство подтекста. Своеобразие поэтики Чехова доказательнее всего предстает через выявление функции художественной детали в его текстах. Несомненно, наибольшую нагрузку художественная деталь несет в драматических произведениях писателя, помогая не только раскрытию характера персонажа, но и определению авторской позиции, а также выявлению жанровых особенностей его пьес.

Наиболее сложной для учащихся является задача найти в чеховском тексте замену прямому авторскому высказыванию, развернутой психологической характеристике персонажа, что стало уже привычным для них способом выявления отношения писателя к изображаемому, то есть помогало сориентироваться в плане основной идеи произведения в рамках классической поэтики. И здесь необходимо помочь ученикам уяснить то, что в чеховском повествовании, как прозаическом, так и драматургическом, действуют тенденции иного рода. Автор не стремится сразу дать целостную характеристику своему герою, концентрируя в одном фрагменте текста все штрихи к его портрету. Наоборот, он разбрасывает их по всему произведению, причем, как бы случайно, намеком, постоянно перемежая их иными описаниями: предметного мира, окружающей обстановки, фрагментами фабульного действия. Будучи приемами *скрытого* психологизма, эти детали внешне часто оказываются не связанными между собой либо противоречащими друг другу, что и составляет главную сложность читательского восприятия, требует концентрации внимания, активизации

аналитических функций воспринимающего сознания.

Часто за чеховской деталью кроется авторская ирония, понимание природы которой ведет к пониманию особенности его отношения к окружающему миру и человеку. Так, например, в «Вишневом саде» иронический план часто скрыт в предельно лапидарной ремарке. Первая характеристика Симеонова-Пищика, который в списке действующих лиц определен как «помещик», дается Чеховым через одежду персонажа: «в поддевке из тонкого сукна и шароварах» (562)¹, что сразу создает впечатление растождествления личности, задающее смысловую стратегию жизненного разлада. Здесь же появляется и Гаев, входя, делающий движения «руками и туловищем», «как будто играет на бильярде», чем вводится семантика жизни-игры и героя-игрока. Именно эта первая характеристика не позволяет всерьез отнестись к уверениям Гаева о том, что он не допустит продажи вишневого сада:

«Честью моей, чем хочешь, клянусь, имение не будет продано! *{Возбужденно.}* Счастьем моим клянусь! Вот тебе моя рука, назови меня тогда дрянным, бесчестным человеком, если я допущу до аукциона! Всем существом моим клянусь» (571).

Эта пафосная тирада, вполне искренняя, тем не менее, попадает в контекст жизни-игры, театра жизни, к чему примешивается оттенок инфантильности – недаром в процессе монолога Гаев «кладет в рот леденец». Именно инфантильности, то есть некоего отрицательного качества личности, в отличие от детства, всегда имеющей в художественном тексте положительную смысловую нагрузку, восходящую к евангельской максиме «будьте как дети».

При объяснении особенностей чеховской характеристики следует обратить внимание на многофункциональность его художественных приемов. То, что, на первый взгляд, относится к чисто формальному плану, оказывается средством раскрытия внутреннего мира персонажа.

Елена Николаевна Проскурина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск);

¹ Текст пьесы цитируется по изданию: Чехов А.П. Избранное: В 3-х тт. Т. 3. М., 1994. С. 556-605. Страницы указаны в скобках.

Так, при анализе характера Гаева следует остановиться на его бильярдных жестах. Называемые им удары, как пишет в своей статье В.Е. Кайгородова, ссылаясь на письма Чехова, были им тщательно продуманы². В письме к О.Л. Книппер, например, есть знаменательная просьба: «Попроси Вишневецкого³, чтобы он прислушался, как играют на бильярде, и записал бы побольше бильярдных терминов. Я не играю на бильярде, или когда-то играл, а теперь все позабыл, и в пьесе у меня все случайно. Потом с Вишневецким мы сговоримся, и я напишу все, что нужно»⁴. «Все способы игры, пишет в указанной статье В.Е. Кайгородова, – которыми пользуется Гаев, в бильярде являются отыгрышами ... выиграть партию, постоянно отыгрываясь, весьма трудно. Обычно отыгрываются тогда, когда нет уверенности положить шар. При таких ударах важное значение имеет характер человека, его хладнокровие и терпение. Отыгрышами пользуются в ответственных партиях с серьезным партнером и, как правило, первыми не выдерживают неосмотрительные игроки. Так играют и робкие, слабые противники»⁵. То есть бильярдные взгляды Гаева: «Режу в угол»; «Дуплетом желтого в середину» и пр. оказываются косвенными способами самохарактеристики персонажа, а сломанный Епиходовым незадолго до катастрофы кий Гаева приобретает значение символической детали.

В отличие от своих литературных предшественников, стремившихся к максимально полной психологической характеристике персонажей, Чехов «старается найти и художественно воссоздать прежде всего доминанту внутренней жизни героев, *передать ведущий эмоциональный тон*»⁶. Чаще всего способом такой передачи оказывается как раз метко подобранная автором художественная деталь. Так, для характеристики современного ему молодого поколения как слабого и бесплодно-мечтательного в «Вишневом саде» введен лишь один элемент в описание одежды Пети: его ста-

рые и грязные калоши, на что ему постоянно указывает Фирс. Смысловой поддержкой этой детали служит поношенный студенческий мундир Пети («вечным студентом» называет он сам себя) и прозвище «облезлый барин», данное ему, по словам самого героя, «одной бабой» в вагоне поезда. Стремясь вырваться из «барской» России, он по существу является плотью от ее плоти, ее приживалом и блудным сыном. Вспомним, что в финале пьесы Варя находит в заколоченном доме чьи-то забытые калоши, вероятнее всего, Гаева. Эта деталь служит примером тому, что за видимой оппозицией (в данном случае уходящего/нового) у Чехова часто оказывается скрыто внутреннее родство⁷.

Фигура Пети Трофимова соотносится с фигурой другого чеховского персонажа, Саши из рассказа «Невеста». Сопоставление двух этих произведений, написанных Чеховым в одно время и посвященных одной проблеме: будущего России и судьбы молодого поколения, – является продуктивным способом их взаимохарактеристики. Обратимся лишь к небольшому фрагменту возможного сопоставительного анализа. Живя в доме Нади, имея там отдельную комнату, которую сами хозяева называют «Сашиной», герой рассказа постоянно критикует их за грязь и бесхозяйственность:

«Сегодня утром рано зашел я к вам на кухню, а там четыре прислуги спят прямо на полу, кровати нет, вместо постелей лохмотья, вонь, клопы, тараканы... То же самое. Что было двадцать лет назад, никакой перемены ... Мне все здесь как-то дико с непривычки, – продолжал он. – Черт знает, никто ничего не делает...» (364-365)⁸.

Однако когда Надя посещает Сашу в его комнате в Москве, оказывается, что в ней было «накурено и наплевано; на столе возле остывшего самовара лежала разбитая тарелка с темной бумажкой, и на столе и на полу было множество мертвых мух. И тут было видно по всему, что личную жизнь свою Саша устроил неряшливо, жил как придется, с полным презрением к удобствам...» (376-377). Пренебрежение к собственному бытовому обустройству здесь, на первый взгляд, связано с мыслью героя о будущем всеобщем счастье, достигаемом «переворотом» личной устоявшейся, но непродуктивно проживаемой жизни. Однако

2 См.: Кайгородова В.Е. «Вишневецкий сад» А.П. Чехова: поэтика названия и основные мотивы // Русская литература XIX-XX вв. Поэтика мотива и аспекты литературного анализа. Новосибирск, 2004. С. 249-256.

3 Вишневецкий Александр Леонидович (настоящая фамилия Вишневецкий) – друг А.П. Чехова, с которым он учился в гимназии, профессиональный актер.

4 Чехов А.П. Собр. соч. и писем: В 30-ти тт.: Письма: В 12-ти тт. М., 1974-1985. Т. 11. С. 273. Курсив мой – Е.П.

5 Кайгородова В.Е. Указ. соч. С. 253. Курсив мой – Е.П. См. также: Балин И.В. Бильярд. М., 2000; Балин И.В. В мире бильярда. Ростов н/Д. 2000.

6 Есин А.Б. О двух типах психологизма // Чехов и Лев Толстой. М., 1980. С. 74. Курсив мой – Е.П.

7 Этому художественному приему В. Шмид дал название «эквивалентность». См.: Шмид В. Эквивалентность в повествовательной прозе. По примерам из рассказов А.П. Чехова // Шмид В. Проза как поэзия. Пушкин. Достоевский. Чехов. Авангард. СПб., 1998. С. 214-294.

8 Текст рассказа цитируется по изданию: Чехов А.П. Указ. соч. Т. 3. С. 363-380. Страницы указываются в тексте.

утверждая ценности, кажущиеся противоположными тем, которыми живет семья Нади, Саша своим образом жизни демонстрирует генетическое сходство с критикуемым им бытовым укладом. С другой стороны, как помним, Сашин пренебрежение к внешнему плану своей жизни имеет трагический исход: он заболевает чахоткой (причем, живет он в Москве, а не в «литературно»-чахоточном Петербурге, что является еще одной знаковой деталью) и скоро умирает. Эта смерть в контексте чеховской проблемы судьбы молодого поколения как будто прочерчивает перспекцию судеб других его персонажей: Ани и Пети из «Вишневого сада», а также и «невесты» Нади, которая, как пишет Чехов в финальной фразе рассказа, «покинула город, – как полагала, навсегда» (380). В этом чеховском «как полагала» заключена вся авторская ирония, связанная, во-первых, с уже обозначенной идеей сущностного сходства того, что на поверхности видится как противоположное, а во-вторых, с мыслью о наивности этих юных героев, их незнанием жизни, которой они так легкомысленно доверяются, и неспособностью не только прозреть будущее, но противостоять реальным обстоятельствам, взять ответственность прежде всего *за собственную жизнь*, что и является единственным, по Чехову, залогом спасения вишневого сада.

Примеров функциональной роли художественной детали в чеховских текстах, в том числе и в «Вишневом саду», множество. Так, характерологической деталью, объединяющей мужских персонажей пьесы в некую нелепую группу, является их обувь, либо скрепляющая, как у Епиходова, либо старая и грязная, как у Пети и Гаева, либо кричаще-несуразная, как у Лопехина. Если попробовать найти определяющий принцип характеристики женских персонажей, то таковым выступает их обделенность любовью: иллюзией любви тешит себя Раневская, остается одинокой Варя, обманута в своих надеждах на Яшу Дуняша. Та же непрочность мерцает в отношениях Ани и Пети:

«А н я (*смеясь*). Спасибо прохожему, напугал Варю, теперь мы одни.

Т р о ф и м о в . Варя боится, а вдруг мы полюбим друг друга ... Она своей узкой головой не может понять, что мы выше любви. Обойти то мелкое и прозрачное, что мешает быть свободным и счастливым, вот цель и смысл нашей жизни...

А н я (*всплескивая руками*). Как хорошо вы говорите!» (582-583).

В этом диалоге любопытно то, что сначала он, казалось бы, строится по типу любовной сцены. Об этом говорят слова Ани, которая радуется возможности остаться с Петей вдвоем.

Однако, подчиняясь логике его речей, она внутренне перестраивается и уже с восторгом воспринимает идею отказа от любви, которой на самом деле так жаждет ее сердце. Из этого эпизода становится ясно, что будущая судьба Ани вписывается в общую модель судеб женских персонажей пьесы. Здесь вновь уместно обратиться к сопоставлению «Вишневого сада» с рассказом «Невеста», в котором Надя, поддавшись критическим речам Саши, решает порвать со своим домом. Но главное, в чем она не отдает себе отчета, это то, что уехать она хочет *вместе с Сашей*:

«– Завтра же я уеду отсюда. *Возьмите меня с собой, Бога ради!*

Саша минуту смотрел на нее с удивлением; наконец он понял и обрадовался, как ребенок ...

– Великолепно! – говорил он, потирая руки. – Боже, как это хорошо!

А она смотрела на него, не мигая, большими, влюбленными глазами, как очарованная, ожидая, что он тотчас же скажет ей что-нибудь значительное, безграничное по своей важности; он еще ничего не сказал ей, но уже ей казалось, что перед нею открывается нечто новое и широкое, чего она раньше не знала, и уже она смотрела на него, полная ожиданий, готовая на все, хотя бы на смерть ...

Клянусь вам, вы не пожалуете и не раскаетесь ... Поедете, будете учиться, а там пусть вас носит судьба ... Главное – перевернуть жизнь, а все остальное не важно. Итак, значит, завтра едем?

– О, да! Бога ради!» (374-375. Курсив мой - Е.П.)

Как видим, данная сцена повторяет ту модель, по которой строится объяснение Ани и Пети в «Вишневом саду». Внутренне подчиняясь настроению любимого человека, Надя, как и Аня, не замечает подмены, которая происходит в мотивации ее отъезда. Не замечает она и равнодушия Саши к ее судьбе, так как находится под обаянием идеи перемены жизни, исполненной неопределенной, но светлой надежды. В дальнейшем смерть Саши, старение мамы и бабушки, ветшание родного дома, отвычка жить в нем усиливают интонацию неопределенности, уменьшая при этом пафос надежды, чего пока не осознает героиня, но что уже отчетливо чувствует автор, проявляя свое провидение относительно отъезда героини многозначительной пометой «как полагала, навсегда», о чем речь шла выше.

Работа над «Вишневым садом» стала для Чехова прощанием с жизнью, с родиной. Отсюда столько щемящей грусти в этом произведении, тем не менее обозначенном самим автором как комедия. Понять природу этой грусти и

вместе с тем уяснить авторское определение жанра – еще одна важная цель на уроках по «Вишневому саду». Несомненно, чеховская пьеса – это не столько сама жизнь, сколько грезы о жизни. И вот там, где это грезы – там грусть и густота лирического фона. Особенным здесь является то, что авторские «шаблонно-поэтические» приемы, относящиеся к разряду «скомпрометированной» поэтики, используются Чеховым в их, так сказать, прямом назначении, вне функции семантического снижения. Это касается, прежде всего, описаний вишневого сада, отношения к нему героев, а также отдельных реплик персонажей, часто вставленных в иронический контекст. Такой прием повествовательного парадокса отражает сложность авторской позиции по отношению и к затронутой проблеме, и к персонажам пьесы.

Но вместе с тем невозможность осуществления героями их грезы, бессилие удержать ускользающую жизнь как раз и является мотивацией для введения в сложную интонационную партитуру пьесы авторской иронии, горечь которой запрятана глубоко в подтекст. Наиболее точно, может быть, определил особенность авторского плана в другой, правда, чеховской пьесе: «Три сестры», – И. Анненский в своем эссе «Драма настроения. Три сестры». Не любя Чехова за то, что он, по мысли критика, совершает подмену жизни литературой, Анненский в то же время уловил в его творчестве тот доминирующий «эмоциональный тон», который позволяет составить психологическую характеристику самого автора как тонко чувствующего субъекта, улавливающего все вибрации современной ему реальности: «Люди Чехова, господа, это хотя и мы, но престранные люди, и они такими родились, это *литературные* люди.

Вся их жизнь, даже оправдание ее, все это *литература*, которую они выдают или и точно принимают за жизнь ... Вспомните, что все эти люди похожи на лунатиков вовсе не потому, что Чехову так нравились какие-то сумерки, закатные цветы и тысячи еще бутафорских предметов, приписанных ему досужей критикой, а потому что Чехов чувствовал за нас, и это *мы* грезили, или каялись, или величались в словах Чехова. А почему мы-то такие не Чехову же отвечать...»⁹.

О небытовой, «литературной», говоря языком Анненского, природе чеховского вишневого сада писал в свое время И.А. Бунин: «...нигде не было в России садов сплошь вишневых; в помещичьих садах были только части садов, иногда даже очень пространные, где росли вишни. И нигде эти части не могли быть, опять-таки вопреки

Чехову, как раз возле господского дома, и ничего чудесного не было и нет в вишневых деревьях, некрасивых, как известно, корявых, с мелкой листвой, с мелкими листочками в пору цветения, вовсе не похожими на то, что так крупно, роскошно цветет как раз под самыми окнами господского дома в Художественном театре»¹⁰. Это бунинское описание звучит контрапунктом чеховскому видению реальности, о чем свидетельствует, например, критическое эссе К. Чуковского «Чехов». В IV главе, представляющей садоводческий талант писателя, автор пишет: «А когда [Чехов] поселился в разоренном и обглоданном Мелихове, он посадил там *около тысячи* вишневых деревьев ... Больше всего были любы ему цветущие вишневые деревья»¹¹. В беседе с К.С. Станиславским Чехов объяснял ему разницу между вишневым и вишневым садом: вишневый сад – это доходное место, в котором растет вишня, то есть это деловой, коммерческий сад. Пригодная для сушенья, варенья, маринаванья и пр., она и в чеховской пьесе приносила «лет сорок-пятьдесят назад» немалый доход. «Денег было!» – ностальгически вспоминает Фирс (564-565). А вот вишневым сад дохода не приносит, он хранит в себе, в своей белизне поэзию былой жизни¹². Именно таким и видим мы сад в момент разворачивания действия в пьесе. Материальная его сторона осталась в прошлом, так как способ, которым заготавливали вишню, забыт и его «никто не помнит» (565). В.И. Немирович-Данченко в своей статье ««Вишневый сад» в Московском Художественном театре» метко заметил, что «Чехов оттачивал свой реализм до символа»¹³. Но вместе с тем и сама реальность рубежа веков способствовала процессу подобной символизации, так как все более в прошлом оказывалась веками хранимая традиция российского домоводства. В этом контексте фраза «Вся Россия – наш сад» теряет свою пафосную однозначность, в ней проявляется та горькая ирония, которая характерна для пьесы в целом и определяет ее жанровую специфику.

Как наиболее продуктивный способ проверки уяснения пройденного материала нами часто выбирается тип *урока-творческого практикума*, на котором дается задание дописать финал либо написать эпилог к

10 Бунин И.А. Собр. соч.: В 9-ти тт. М., 1965-1967. Т. 9. С. 238.

11 Чуковский К. Соч.: В 2-х тт. Т. 2. Критические рассказы. М., 1990. С.222-223.

12 См.: Станиславский К.С. А.П. Чехов в Московском Художественном театре // Чехов в воспоминаниях современников. М., 1954. С. 387.

13 Немирович-Данченко В.И. Рождение театра. М., 1989. С. 392.

9 Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С.82-83.

произведению. В 10-м классе такое задание было дано после урока-беседы по «Бедным людям» Достоевского, в 11-м классе учащиеся дописывали финальную часть набоковского «Рождества»¹⁴, в том же 11-м классе было предложено задание написать эпилоги к «Вишневому саду». На наш взгляд, многие из ребят показали умение тонкого и вдумчивого прочтения чеховского текста, а также уяснение функциональной роли в нем художественной детали. При этом, конечно, проявились и возрастные особенности 11-классников – в их взывании надежды и света. Ниже мы приводим 5 наиболее удачных работ.

ЭПИЛОГИ К «ВИШНЕВОМУ САДУ»

Кристина Ф.

Два года спустя. Действие происходит в бывшем имении Раневской, теперь имении Лопухина. Гостиная. Горит люстра. Весенний вечер. Окна распахнуты. В кресле за столом сидит Лопухин, что-то считает и пишет в расчетной домовой книге. Входит лакей.

Лакей: Письмо Вам, Ермолай Алексеич.

Лопухин: От кого?

Лакей: Потрудитесь сами прочитать. Мудрёно написано...

Лопухин (читает про себя, затем вслух): Да это же от Раневской,

Любови Андреевны! *(продолжает читать про себя)*. Пишет, что Анечку замуж выдает, вот только за кого – не сказано... Извиняется... В пятницу приедет?! *(лакею)*: Слышь, ты, иди и распорядись, чтобы все как положено было, завтра Раневские приехать собираются! Любовь Андреевна! Анечка с мужем! Ну, ступай, скажи... *(один в раздумье)*: Завтра разговору про сад будет, слез... *(смотрит в окно)*: Да... здесь когда-то был сад... Вишневый сад... А толку то?!... *(смотрит в окно, потом в книгу на столе... опять в окно, где видны крыши дачных построек и вдалеке одиноко белеет цветущее вишневое дерево...)*.

Занавес

Андрей В.

Зима. На тройке едет краснощекий, полный господин. Лошадьми правит плотный бордатый возница неопределенного вида.

Господин (тряхивает снег с воротника): Как здесь красиво зимой... Вокруг все белое-белое, как цветущий яблоневый сад... *Возница*: Да... Когда-то здесь и вправду был сад, только

вишневый, большой-большой... Весной даже издали чувствовался запах цветущей вишни... Теперь здесь – как на кладбище: маленькие огороженные клочки земли... Как быстро все изменилось...

Господин: Но что же случилось с садом и его хозяевами?

Возница: О, это очень длинная история... *(и возница поведал седоку историю вишневого сада)*. Был сад, теперь вот – дачи... *(уныло)*: Э-эх-ха...

Господин: Печальная история... Что же теперь с этими людьми?

Возница: Кого? А, об этом ходит много слухов. Говорят, Раневская с дочерьми уехала в Яшнево. Убитая потерей любимого сада, она слезла, и вскоре явилась к ней, так сказать, «разрушительница жизненных стремлений» и избавительница смерть. Варя и Аня вышли замуж, а позже посадили небольшой вишневый сад – в память о матери... Там, в Яшнево... О, память сердца, ты сильнее... м-да... Лопухин расплодился... живет богато, но до сих пор холостой. Гаев же неизвестно куда исчез после смерти Любови Андреевны, и нет до сих пор о нем вестей. А Пищик все чего-то ждет... манны с неба... ха-ха *(засовывает в рот леденец)*.

Господин: Я думаю, из этой истории мог бы получиться прекрасный рассказ, если б кто-нибудь взялся ее записать.

Возница: С этой мыслью вы опоздали. Один писатель (не помню, как зовут) уж написал об этом комедию, и презанятную, скажу вам, дуэтом желтого в середину! Сам в городском театре видел.

Занавес.

Миша У.

Фирс скончался в день отъезда хозяев. Епиходов обнаружил его по приезде со станции в пустом запертом доме. Старого слугу похоронили без особых церемоний на краю кладбища в топком месте. На могиле Фирса – крест, сделанный из вишни. А сад, как и хотел Лопухин, уже почти уничтожен. Хозяин уехал, дав приказ Епиходову очистить простор под дачи и искать клиентов.

Варя служит экономкой у Рагулиных. Любовь Андреевна с Гаевым и Аней – в Париже. Когда они ехали по французским землям и взирали на роскошно обработанные виноградники, то не могли удержаться от слез, вспоминая свой потерянный сад и думая о будущем с тревогой и надеждой. Ермолай Алексеич так и не прочитал ни одной книги (одну он начал – и заснул), ему интереснее заниматься практическими, прибыльными делами. Здесь он знает все: где подешевле купить и как подороже продать. Так и живет.

14 См.: Проскурина Е.Н., Ермоленко Ст. Поэтика смерти-воскресения в рассказе В. Набокова «Рождество» // Филологический класс. № 13, Екатеринбург, 2005. С. 65 (прим. 8).

Люба Г.

Через девять лет. Аня преподает в той самой гимназии, которую окончила сама. Она очень устает, и поэтому у нее нечасто хватает сил заняться чтением или рукоделием. Не на кого часто оставить маму, которая много болеет и не выносит одиночества. В последнее время Аня тоже что-то недомогает: у нее появились боль в груди и кашель. Но не только о маме приходится заботиться Ане. Ее дядя, Гаев, живет почти только тем, что она в состоянии ему дать. Должность банковского служащего не нравится ему, он ходит на службу нехотя, а часто и вообще не является, за что уже несколько раз собирались его уволить. Варя живет в экономках у Рагулиных, ей 33 года, но она не замужем. Она все так же рано встает и умело ведет хозяйство. Петя Трофимов, наконец, окончил университет, впрочем, без особых успехов и теперь перебивается, давая частные уроки. Он никогда больше не заглядывал в имение Раневской и не видел Лопехина. В имении все изменилось: нет уж больше вишневого сада, на его месте стоят дачи, живут приезжие дачники, даже не подозревающие о том, что дома их построены на месте срубленных прекрасных деревьев, которые так пышно цвели по весне белыми цветами...

Занавес

Юра Д.

Любовь Андреевна Раневская умерла от очередного удара: известие о смерти Фирса пришло к ней в Париж в то же время, когда умер любимый ею человек, и ее сердце не выдержало. Гаев, живший вместе с Раневской, еще полгода после смерти сестры работал в банке, но вскоре бросил и стал горьким пьяницей, существуя непонятно на какие средства. Варя вышла замуж за соседа-помещика и живет тихой семейной жизнью. Аня с успехом окончила гимназию, попутно давая частные уроки, и отправилась в Москву, где встретила и осталась жить с Петей. Трофимов к тому времени, наконец-то, закончил университет. Лопехин получает огромные деньги с дачников, он стал одним из самых богатых людей края, но и самым несчастным. Память о Раневской жива в нем. Симеонов-Пищик, продав за неплохие деньги свой участок земли англичанам, ведет прежний праздный образ жизни и вскоре снова оказывается сплошь в долгах, ожидая какой-нибудь кратковременной прибыли. Дуняша живет вместе с Аней и Петей и по-прежнему строит из себя барышню. Про Яшу известно только то, что он уехал с Гаевым в Париж, где, по всей вероятности, останется навсегда. Епиходов где-то служит конторщиком. Про Шарлотту не известно ничего, кроме того, что она ушла в свой город искать родных. Ушла пешком.

Занавес